

18 АВГ 1985

Советский Крым
г. Ялта

* ДУША, ГОРЕВШАЯ ТВОРЧЕСТВОМ

ЛЕТОМ 1923 года на гастролы в Ялту приехал театр миниатюр под названием «Табакерочка Полишинеля». Заведующий музыкальной частью этого театра, организованного небольшой группой харьковских актеров, был молодой начинающий композитор Исаак Дунаевский. По воспоминаниям артиста В. Казаринова, работать приходилось много. Все время надо было что-то придумывать. Контингент зрителей состоял из отдыхающих, местных жителей, санаторных врачей, сестер. Это побуждало актеров изощряться в поисках нового репертуара. Они выступали сразу в нескольких ролях: режиссерами, авторами, сочинителями текстов песен. И. Дунаевский не только неумоимо сочинял музыку, но и помогал режиссуре, искал стихотворный материал, принимал активное участие в инсценировках. Жили весело, трудились с большим воодушевлением и подъемом. Публика так полюбила актеров, что к концу гастролей в Ялте они смогли провести ряд бенефисов. В том числе и И. Дунаевского. Сезон 1925—1926 годов композитор снова успешно проработал в Крымгосдрамтеатре в Симферополе. В последующие годы, уже живя в Москве и Ленинграде, часто приезжал в Ялту на отдых или на гастролы.

Осталось эпистолярное наследие И. О. Дунаевского.

Его адресатами были разные люди по положению, по возрасту. Но чаще это была молодежь. Так, симферопольской школьнице Р. Тимошировой в мае 1950 года он писал: «Сейчас перед вами стоит тот сложный вопрос, который требует прежде всего глубокой честности по отношению к самой себе. У нас имеется много горячих голов среди молодежи, много мечтателей, увлеченных блестящими успехами всяких киноартистов, режиссеров и композиторов. Я получаю и получал раньше множество таких «заявок» на знаменитость. Девушка хочет стать Орловой, мальчик — Дунаевским. Им кажется, что этого только нужно захотеть. Перед советской молодежью открыты большие пути. Но это не значит, что перед каждым молодым человеком открыты любые пути. Тут-то находится самое главное: уметь честно, без мечта-

ний, трезво, самокритично выбрать путь, на котором стоит не только твое желание, но и твое призвание, призвание не кажущееся, а подлинное».

Его призвание было подлинным. Об этом свидетельствуют воспоминания композитора Л. С. Хейфеца-Поляковского, преподавателя Киевского музыкального училища, в то время работавшего в Симферопольском музыкаль-

архитектуре, физике, механике, строительству самолетов и мостов. Без знаний вы будете всегда слепой, у вас будут рождаться мысли, которые вы не сумеете никогда выразить на нотной бумаге... Я буду очень рад, если вы напишете мне о себе и о том, как вы поняли мое письмо. Я с удовольствием помогу вам и дальше своими советами, если вам они понадобятся...».

Он писал письма в Крым, читал книги о симферопольском подполье, следил за музыкаль-

самое любопытство, которое и создает жадность к жизни?..».

Лучшим лекарством от всех болезней он считал состояние, когда душа горит творчеством, работа ладится. Он торопился с окончанием клавира своей новой оперетты «Белая акация», репетиции которой в театре шли уже полным ходом.

Это случилось 25 июля 1955 года. Ярким солнечным утром перестало биться сердце человека, больше всего любившего Солнце, Радость и Жизнь. На пюпитре его рояля остался незаконченный номер из «Белой акации», на столе — неотправленное письмо. До последних минут он был в работе, в делах, в творчестве, в заботах и мыслях о людях. И был жив в его памяти маленький городок у подножия Крымских гор — Симферополь. От перекрестка улиц Октябрьской и Пролетарской уходит вверх улица Курчатова, бывшая Госпитальная. Здесь нет новостроек. Эту улицу решено сохранить как исторический памятник старого города. Одна из страниц его истории — дом № 17. В нем более полувека назад жил замечательный советский композитор и человек Исаак Осипович Дунаевский. Город помнит о нем. Его имя вошло в историю театра, в котором он когда-то работал, театра, сумевшего завоевать высокое звание «академический». Над роялем в зеркальном фойе театра висит портрет И. О. Дунаевского. В Украинском музыкально-драматическом театре продолжается жизнь героев его оперетт. И все тем же призывом к объединению людей доброй воли в борьбе за мир на земле звучит «Песня о вольном ветре».

Мысли и музыка И. О. Дунаевского остаются созвучными нашему времени. И хотя прошло тридцать лет с тех пор, как замолчала его муза, он продолжает жить с нами.

Р. ШАКУН.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«КРЫМ Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ»

ном училище и писавшего музыку к спектаклям драмтеатра им. М. Горького. Он вспоминает, как Дунаевский попросил его однажды проиграть по своему выбору несколько песен. После чего каждая из них подверглась тщательному анализу. Замечания были точными и меткими, хотя композитор слышал их в первый раз. Иногда Исаак Осипович брал какую-то фразу из песни и начинал ее развивать по-своему. Это выливалось в блестящую импровизацию. В письме симферопольцу И. А. Горему И. Дунаевский признавался, что мелодия для него — это живое, дышащее существо, у которого свои органы чувств, свои повадки, свои устойчивые привычки и капризы... Это позволяло ему написать одному юному сочинителю: «Исправляйте ваши ошибки — это значит зачеркнуть ваши ноты и написать другие».

Здесь я подхожу к тому главному, что я должен сказать: надо учиться, надо овладевать музыкально-теоретическими знаниями, надо шлифовать свои способности. Без этого вы ничего не сможете создать, и ваше дарование пропадет. Представляете ли вы себе, что архитектор может построить дом без знания геометрии? Надо относиться к музыке так же, как к

ной жизнью области и шутя завидовал крымчанам: «У вас море и солнце в кармане. Захотели, сели в автобус и поехали купаться». По приглашению Крымской госфилармонии собирался приехать с концертами и раздумывал: «Смущает малый состав оркестра. А если приехать просто, на отдых? — не знаю, как сложится мое лето. Крым я очень любил и проводил на побережье многие годы».

Еще раз приехать в Крым И. О. Дунаевскому так и не пришлось. По дороге домой из гастрольной поездки у него был сильный сердечный приступ.

Тот день, как всегда, был расписан им по минутам. Он успел переговорить о делах по телефону и назначить кому-то встречу на два часа дня, написать письмо, где «распекал» одного из своих молодых друзей за «пессимистические» настроения.

«Как можно считать и думать, — писал он, — что в вашем возрасте может угаснуть интерес к жизни? Конечно, с годами меняются интересы и желания, но они остаются, они пропадают только у людей немощных, ни на что не способных. А разве может у человека, особенно молодого, исчезнуть то